ЧАСЫ

ЗАДУМЧИВОСТИ.

Dear ſenſibility! ſource enexhauſted of all that's precious in our joys or coſtly in our ſorrows etc. etc.

ſentimental journey,

by Sterne.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
ВЪ Сенатской Типографіи у В. О.
1799.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

СКУКА.

(Mauvaise humeur.)

Веселье свѣтъ въ душѣ,
А скука темнота.

Херасковъ.

Удовольствія наскучаютъ — радости бѣгутъ — и сердце вдругъ дѣлается ко всему на свѣтѣ холодно и безпристрастно. Странные превратности чувствованій въ природѣ человѣка! —

заря ему улыбалась: спокойствіе души его обѣщало ему пріятный день. — Вдругъ одно противорѣчіе, одна грубость какого нибудь приближеннаго ему существа, рожденнаго упорствовать въ несправедливости, разливаетъ желчь досады въ наилучшую организацію жизненныхъ нервъ его, и тѣмъ разстроиваетъ хорошее расположеніе духа. — Гдѣ дѣвались пріятные мечты будущаго? — изчезли. — Гдѣ розы, которыми обѣщали мы увѣнчать полденные часы? — увяли.

Такъ увяло веселіе на лицѣ моемъ подъ желтою завѣсою печали. Для чего природа разлила въ жилахъ моихъ столь пламенную кровь? — для чего

одарила меня такимъ сложенїемъ — такимъ сердцемъ, которое встрѣчаетъ всѣ предмѣты съ особливымъ пристрастїемъ! для чего не дала мнѣ равнодушїя флегматика — той умѣренности, которая перевѣшиваетъ всѣ противности огорченнаго сердца? Для чего не могу я терпѣть, сносить, страдать не нахмуривая чела? Для чего не могу казатся веселымъ, когда змїй досады ползаютъ въ груди моей, разливая тонкїй ядъ ихъ проницающїй до костей моего состава, и когда слезы насильно вырываются изъ очей моихъ! не благоразумный! сколько разъ укорялъ ты природу, что она создала тебя такимъ, какъ ты есть! не зная что ты бы былъ

можетЪ быть гораздо хуже, естьлибЪ не былЪ такимЪ, какЪ ты есть! довольно для тебя человѣкЪ! довольно вспомнить о себѣ, и перестать пенять на свои слабости.

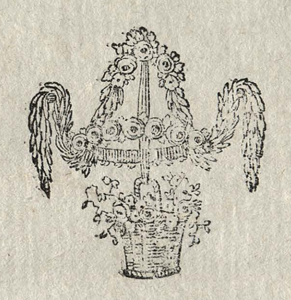
Я щитаю тотЪ день потерянымЪ, вЪ которой растроганная моя чувствительность представляя памяти одни только кровавые и отвратительные явленія, возмущаетЪ спокойствіе моея души и серьца. Лучше бы было вЪ то время удалится вЪ какую нибудь дикую и темную пещеру подЪ землею, сидѣть вЪ глухой тишинѣ, во мракѣ пустынной ночи, не видѣть солнца и природы, не слышать шуму людей, и оставатся безЪ всякаго чувства — безЪ всякія дѣятельности! —

все такЪ уже наскучило все, кажется такЪ однообразно, не ново, не занимательно, что утомленный духЪ нашЪ ищетЪ перемѣны какого-то другаго состоянія, котораго и самЪ не постигаетЪ, ищетЪ пріятнаго забвенія, вЪ которомЪ бы заснули его разтрогивающія чувства досады-чувства, которые на конецЪ дѣлаются его тиранами. ОнЪ пробѣгаетЪ взорами своими предмѣты природы, и не находитЪ ни одного на которомЪ бы успокоилось его сердце. ОнЪ заключенЪ вЪ тѣлѣ своемЪ какЪ во гробѣ, и тѣмЪ жесточе для него смерть сія, что онЪ ее чувствуетЪ. — Томная нѣкоторая нерадивость овладѣваетЪ всѣмЪ его существомЪ — и бремя ее,

униживаетъ его до состоянія дикаго человѣка. . . . Думаетъ ли онъ опровидѣніи, которое все къ лучшему располагаетъ! разбираетъ ли онъ ходъ природы и порядокъ вещей! уступаетъ ли онъ обстоятельствамъ, времяни, мѣсту и состоянію? Удерживаетъ ли слабости, страсти и своенравія своего сердца? Помнитъ ли о любви ближняго, занимается ли чувствованіями нѣжной дружбы? Онъ какъ громомъ оглушенный ходитъ въ мірѣ семъ и думаетъ, что онъ въ дикой пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни чего кромѣ скуки, досады и печали. — Ему нужно найти въ ту минуту другую природу, другихъ людей, другіе нравы и чувства, или оставатся въ какомъ то

темномъ хаосѣ мыслей. Что онъ дѣлаетъ — не знаетъ; что онъ говоритъ — не помнитъ; — и то чѣмъ онъ занимается не приноситъ ему ни какого удовольствія. Человѣкъ, котораго вижу я въ такомъ состояніи, подобенъ спящему, котораго мысли летаютъ въ подлунныхъ кругахъ волшебныхъ сновидѣній: по который однако проснувшись съ удовольствіемъ опять посмотритъ на утреннюю зарю въ багряномъ сіяніи ея восходящую на синее небо. И что такое скука? — Сонъ, пріятнаго ощущенія бытія нашего; съ которымъ изчезаютъ всѣ чувственныя утѣхи, и когда духъ нашъ остается въ холодномъ градусѣ безпристрастія.

О когда бы мрачные взоры твои никогда не посѣщали чувствительнаго сердца!

ПРИРОДА.

O Nature que tes sentimens ont d'interêt, ont de puissance? Quels coeurs assez barbares pour les outrager?

Dampmartin.

Любезная природа! въ тебѣ ищу я отрады въ скукѣ моей! — отъ зари до зари — отъ нощи до нощи — я безпрестанно взираю на твои красоты — ими прельщаюсь — и

опять ихъ же видѣть желаю. Какую непонятную тайну сохраняешъ ты въ семъ искуствѣ вѣчно быть — прїятною — удивительною — премудрою — непостижимою для глазъ смертнаго? — Когда простирая великолѣпную картину творенїя Великаго Зиждителя вселенной. Ты выводишъ на необъемлемую взоромъ твердь, блистательное солнце освѣщающее полушаръ земный — когда одѣваешъ пространные луга зеленью и цвѣтами, и растишъ на нихъ высокїя и шумные дубравы — когда возвышаетъ крупые ребра горъ до облаковъ, и низвергаешъ съ высоты кремнистыхъ пороговъ падающїя воды быстрыхъ рѣкъ напоющїя цѣлые народы и царст-

ва — когда разливаешъ обширный синій океанъ, и даешъ бунтующимъ вѣтрамъ качать пѣнящіяся огромные волны его на стонущія берега — когда пустыни Ливійскія застилаешъ блещущимъ пескомъ, и пускаешъ страшныхъ животныхъ напечатлѣвать на нихъ широкіе свои стопы, когда всѣ сіи явленія представляешъ въ чудномъ соотношеніи, связи, стройности, порядкѣ и красотѣ, мысленному взору моему — тогда, какое чувство рождаешъ ты въ душѣ моей! чувство изящнѣйшаго великолѣпія, чувство питающее мысли мои, чувство возвышающее разумъ мой и сердце. О коль зрѣлище сіе удивительно, прекрасно, благоусроенно!

Убѣжище отъ дождя.

Посмотрите на сей прекрасный видъ сельской, (*landschaft.*) которой можно назвать убѣжищемъ отъ дождя. — Какъ сіи густые деревья наклонились своими верхами и составили не проницаемые тѣни и бесѣдки! какъ изъ волнующихся вѣтрами, подобныхъ черному дыму облаковъ, шумитъ благорастворенный дож-

жикъ; падая на широколиственныя растенія, которые въ неправильномъ разсѣяніи, одѣваютъ подошву развалившагося пригорка! какое противуположеніе (*contraste*). дѣлаютъ эти дикіе и голые камни съ симъ зеленымъ лугомъ подъ рощею! — какъ спокойно лежатъ на немъ пасущіяся овечки, между тѣмъ, какъ пастухъ опираясь на посохъ поспѣшаетъ укрыться отъ дождя подъ густыми деревьями. Съ какимъ умилительнымъ журчаніемъ бьетъ сей водный ключь, изъ ущелины камня, переливая ясные струи свои чрезъ корень согнившаго дерева! — его летящія брызги изъ чаши, въ которую онъ повергается, безпрестанно орошаютъ наклоненныя надъ нимъ вѣт-

ви, кустарниковЪ! какЪ пріятно наконецЪ взглянуть на сію радугу, простершуюся изЪ за рощи чрезЪ голубое небо и препоясавшую горизонтЪ, остановляющій удовольствованные взоры.

Сіи прохладные бесѣдки, сіи растѣнія вЪ небреженномЪ порядкѣ природы, сіи дикіе камни и луга, сіи зеленые рощи, сей ключь, сіи овечки и пастухЪ, сія великолѣпная радуга, склонили чувства мои кЪ пріятному спокойствію и задумчивости: я бродилЪ по уединеннымЪ тропинкамЪ, примирившись сЪ самимЪ собою и давалЪ полную волю моей чувствительности.

Я внималЪ журчанію ручейка, и думалЪ внимать шептанію

сладкихъ словъ моей возлюбленной.

Я искалъ милыхъ взоровъ ее въ прохладной тѣни зеленыхъ лѣсовъ — и пріятная мечта моя рисовала ихъ легкою кистію на поляхъ воздушныхъ.

Я повторялъ имя ее, и ехо съ радостнымъ трепетаніемъ отзывало его нѣсколько разъ въ глуши дубравной.

О какъ пріятны такіе ласки окружающихъ насъ предмѣтовъ! но стократно пріятнѣе бы они были, когда бы ты топтала со мною одну траву на лугахъ уединенныхъ! приди прекрасная гулять со мною, приди какъ невинная пастушка рощей сихъ, и

дай бѣлую руку твою! явись —
и зефиръ облобызаетъ прелести,
твои играя въ твоихъ темнорусыхъ власахъ. Для тебя разольется благоуханіе цвѣтовъ —
для тебя стонущія горлицы поцѣлуются съ большею нѣжностію и престанутъ гонятся другъ за дружкой вїясь на голубомъ эфирѣ. Для тебя волны примирятся съ берегами и склоненные травы надъ водою обнимаясь въ любовной задумчивости престанутъ болѣе помавать зелеными своими листами.

Но увы! ты не внемлешъ голосу страстнаго твоего любовника! —

Солнце померкло на западѣ. Насталъ желанный вечеръ. Полетимъ къ любезной. —

Диванъ.

Все совершилось — Я сказалъ ей — люблю тебя Элиза, и слова сіи запечатлѣли мою судьбу.

Какъ бьется сердце у меня и до сихъ поръ, когда вспомню я ту минуту, въ которую прерывающимся голосомъ открылъ ей сію тайну? Съ ка-

кимЪ страхомЪ, съ какимЪ нетерпѣнїемЪ, почти дышать не смѣя, ожидалЪ я, чтобЪ сїи безмолвные пунцовые уста, открылись подобно Майской розѣ при вѣянїи утренняго Зефира! съ какимЪ вниманїемЪ глаза мои примѣчали всякую жилочку вЪ бѣлизнѣ лица ея — и хотѣли предузнать какое лилось вЪ ней съ кровїю отЪ сердца чувство, готовое вылетѣть съ ея голосомЪ! какЪ трепетала рука моя вЪ ея рукѣ, и тихонько прижимая казалось понуждала окончить сїю мучительную нерѣшимость! какЪ желалЪ я похитить сей наклоненный взорЪ и дать почувствовать ей всю томность и умильность вида ожидающаго послѣдняго отвѣта любовника!

вотъ выраженіе для чувствительнаго пера — картина для нѣжнаго живописца — образецъ для скульптора одушевляющаго марморъ!

Вечеръ былъ прекрасный. Отъ востока плыли мрачные облака и предвозвѣщали бурю. Вдали едва слышны громовые удары — а тамъ, за густыми деревьями на синемъ небѣ вилась излучистая молнія.

Мы сидѣли одни въ диванѣ противу окошка, котораго стекла смотрящія въ садъ открывали блещущую зарницу. Я видѣлъ какъ Элиза пряталась за меня, боялась — но молчала. Я отгадалъ ее намѣреніе, всталъ опустилъ занавѣсы и мы остались въ такихъ тем

ныхъ сумеркахъ, что я не могъ болѣе видѣть, ни ея взоровъ, ни ее алаго румянца. Одинъ только блѣдный лучь свѣчки, стоявшей на столикѣ въ ближней комнатѣ, проходя къ намъ чрезъ растворенную дверь раз дѣлялъ на двѣ половины сїю благопрїятствующую намъ темноту.

Мы оба молчали, какъ будто съ удивленїемъ примѣчали безмолвную тишину царствовавшую во кругъ насъ, и въ которой ухо любовника внемлетъ томное бїенїе сердецъ. Собачка пробѣжала по паркету, прыгнула на софу и захрапѣла — воображенїе Элизы представило ей входящаго — она вздрогнула, смутилась и хотѣ

ла встать. Тогда примѣтилъ я что она боялась оставаться со мною на единѣ и въ темнотѣ. Я взялъ ея за руку и приложивъ къ груди, хотѣлъ казалось сказать, съ убѣдительнымъ простосердечїемъ: не уже ли хочешь ты оставить меня въ ту минуту, въ которую столь прїятно быть сердцу моему съ тобою?

Она просила меня запѣть; но на сей разъ голосъ мой отказался произносить прїятные тоны музыки.

Я старался казаться скучнымъ и безпристрастнымъ, и тѣмъ хотѣлъ возбудить нѣжное ея любопытство меня спрашивать Задумчивость наклонила мою

голову и вздохи стѣсняли грудь мою.

,,Вы не здоровы" — ,,нѣтъ." ,,вамъ скучно" — ,,да"..,Не хотите ли читать далѣе: *Les trois Soeurs*" (*) — Я молчалъ — ,,или выслушать арїю, которую я сего дни въ урокѣ на фортепїянѣ выучила?" — ,,Нѣтъ" — ,,какъ вы перемѣнились! съ нѣкотораго времяни вамъ все не нравится.,,

,,Выкаючая Элизы — подхватилъ я, тронувшись толь нѣжною упрекою — между тѣмъ, какъ она облокотилась настоящїй подлѣ нея столъ и задумалась.,, Но Элизѣ вы не можите нравится такимъ!,, О я бы желалъ, сказалъ я наклонив-

(*) Романъ три сестры.

шись лицемъ къ ней, съ нѣкоторою хитрою усмѣшкою — не нравится ей такимъ! и возвысилъ голосъ при послѣднихъ сихъ словахъ. — „Не понимаю„ — „Я не думаю однакожъ чтобъ такїе прекрасные глаза могли видѣть одну только дружбу! . . "

Здѣсь прерываю я нить сего важнаго разговора — я никогда не хотѣлъ расказывать— и *намѣренїе мое было писать здѣсь одни мысли, а не любовную повѣсть.*

N: B:

Отвѣты Элизы были не рѣшимы. Она почитала себя нещастною, которой сердцу положенъ законъ непринадлежать никому на свѣтѣ.

Нѣтъ убѣдительнѣе того краснорѣчія, которое сопровождается слезами сердечнаго умиленія? Тутъ открываются чувства съ такою трогательною простотою — что они удобна поколебать самую твердую душу! Элиза плакала — просила — заклинала не требовать отъ нее причины, которая удаляла сердце ея отъ союза нѣжной любви. Она не предлагала никакихъ способовъ кромѣ времяни, которое нѣкогда откроетъ сію тайну.

Сердце мое такъ было стѣснено волненіемъ жестокихъ страстей — отчаянія, печали, досады и любви, что оно не могло искать болѣе спокойствія

въ томныхъ взорахъ встревоженной Элизы — сколь ни нѣжно, сколь ни трогательно умоляла она меня быть спокойнымъ и обѣщать ей дружбу, которую я не справедливо хотѣлъ у ней похитить; однако я не былъ ни къ чему чувствителенъ, кромѣ моей печали. „Завтре увидимъ ли васъ“ — примолвила она съ убѣдительною скромностію. „Не знаю“ отвѣчалъ я въ полголоса; межъ тѣмъ сердце билось — заныкало и слезы досады наполнили мои глаза. Я хотѣлъ еще говорить; но мысли мои смущались. Я пожалъ руку ея молча — взглянулъ — и побѣжалъ вонъ изъ дивана.

Съ сихъ поръ печаль терзаетъ духъ мой сомнѣнїемъ, нерѣшимостїю ея и симъ отчаянїемъ, обладать нѣкогда столь любезнымъ предмѣтомъ. *Чувство дружбы* дотолѣ намъ любезное перемѣнилось въ *жестокую страсть*, которая сердце мое утомляетъ день и ночь.

О какое бремя въ жизни, *любить несклонную*, которая безпрестанно заставляетъ сомнѣваться быть когда нибудь заплачену равномѣрною нѣжностїю! ! !

ДРУЖБА.

Les jolies femmes n'ont jamais d'amis. Voyez dict. d'amour.

Ежели бы глаза твои не были столь прекрасны, то бы я не чувствовалъ къ тебѣ ничего кромѣ невинной, постоянной, нѣжной дружбы. Но у кого сей милый взоръ глубоко врѣзался въ чувствительное сердце, тотъ можетъ ли остаться доволенъ однимъ симъ

холоднымъ чувствомъ? напрасно отсутствїе старается похитить его изъ памяти; напрасно улыбающїяся забавы опускаютъ надъ нимъ свою блестящую завѣсу; — сердце груститъ посредѣ ихъ; ищетъ сего милаго взора, и о немъ воздыхаетъ!

Но я хочу забыть тебя—образъ любезный! я хочу оставить тебя посредѣ шумнаго общества; я хочу бѣжать отъ тебя. Ты томишъ грудь мою; ты волнуешъ всю кровь; возврати сердцу моему ту вольность, которою оно не знавши тебя питалось. Не лѣтай болѣе за мною по рощамъ и долинамъ — не ищи меня подъ тѣнїю сельскихъ хижинъ — не ходи болѣе со мною на охо-

ту — не плавай сомною въ ясныхъ водахъ тихаго и уединеннаго ручейка! прелестный образъ! — О Элиза! вырви изъ головы моей сіи голубые глаза, которые тамъ — тамъ у меня въ мозгу, въ нервахъ зрѣнія — и я буду твоимъ другомъ! научи меня видѣть тебя не столь прекрасною, не столь любезною, не столь добродѣтельною — или дай сердцу моему другое чувство, которое бы не способно было питать къ тебѣ чистѣйшій огнь любови!

СОНЪ.

Non; ce songe trompeur
Doit ce qu'il a d'affreux au trouble de mon coeur
Shakespear. —

Приди на лоно мое утѣшитель печальныхъ сладостный Сонъ, и томною рукою своею закрой смущенные мои очи! подъ тѣнїю крылъ твоихъ покоится злополучный; и узникъ лежащїи на соломѣ въ углѣ

темницы своея забываетъ на время тяжесть гремящихъ около него цѣпей! — Но ахъ, и въ твоихъ объятіяхъ я не нахожу уже болѣе возлюбленнаго покоя! — Тѣнь дражайшія моея, подобная духу, является въ темнотѣ моего алкова, на блѣдномъ сіяніи луча луннаго. -- Она лѣтаетъ надомною какъ легкій пухъ лебедя — спускается — садится на мою грудь, и вмѣстѣ съ дыханіемъ моимъ поднимается на воздухъ. Взоры ее уклоненны; уста безмолвны; томность во всѣхъ ея чертахъ; грудь ея вздымается; и слова умираютъ на ея языкѣ. Тѣнь любезная! долго ли сія нерѣшимость будетъ изображаема въ твоихъ чертахъ, —

которыхъ одна улыбка можетъ составить мое блаженство? — Или ты укоряешъ меня слабостію? — Или ты не довольна моими вздохами? — Или надобна еще жертва твоей безподобной красотѣ? Что привлекаетъ тебя нощію летать въ безмолвной темнотѣ надъ главою моею! „Неблагодарный! отвѣчаетъ тѣнь внемлющему съ робостію слуху моему — развѣ не довольно для тебя нѣжныхъ чувствованій дружбы, чтобъ желать сердце мое поработить любовному закону? какого снисхожденія, какой ласки недостаетъ еще къ твоему блаженству! знай, что дружба есть одно только на свѣтѣ чувство, которому все позво-

лено; и что она одна составляетъ пріятности жизни нашей. Бѣгай любви: она подобна тому пламени, которой чѣмъ жарче горитъ, тѣмъ скоряе утухаетъ; не прельщайся скоропреходящими ея наслажденіями, которые не посредственно влекутъ, за собою порокъ и отвращеніе. Ежели ты хочешъ обладать Элизою, храни ненарушимое дружество, которое соединяетъ тебя съ нею столь нѣжнымъ союзомъ; но помни, что женщина слаба; она не можетъ противустоять твоимъ убѣжденіямъ, твоимъ слезамъ, твоимъ прозьбамъ Она откроетъ тебѣ тайну ея, погубитъ себя въ твоихъ мыслях, и здѣлавшись твоею лю-

бовницею перестанетъ быть твоимъ другомъ.

О мой Ангелъ! для чего не могъ я прижать тебя къ трепещущей груди моей, въ то время, когда кинувъ исполненный любовнаго негодованія взоръ — взоръ более прелестный, нежели не довольный — ты сокрылась въ темномъ облакѣ сна. — Я простиралъ къ тебѣ объятія мои и хотѣлъ удержать за бѣлую одежду; но она съ воздухомъ изъ рукъ моихъ ускользала. — Благопріятная мечта! еще довольно остается ночи — еще первый пѣтухъ только, своимъ голосомъ разбудилъ молчаливую зорю, а ты уже меня оставляешъ? — Посѣти еще сонъ мой прекрасная!

дай насладится бесѣдою сладкихъ словъ твоихъ! они глубоко вкоренились въ памяти моей — и щастливъ ежели чувства мои будутъ повиноваться божественному ихъ предувѣщанію! —

О естьли бы мы иногда вѣрили сему не усыпающему *предчувствію*, которое вообразѣ духа бесѣдуетъ съ нами иногда въ сонныхъ мечтаніяхъ — а иногда на яву — открывая тайныя мысли пророчествующаго ума; — то бы мы не рѣдко могли избѣгнуть тѣхъ вредныхъ намѣреній и желаній, которые въ послѣдствіи времяни полагаютъ сильную преграду къ совершенству нашего благополучія!

УТРО.

Helas! faut-il que l'amour qui s'annonce d'abord sous des traits si doux, se montre à l'epreuve un tyran si dur et si cruel.

Shakespear. —

Уже утренняя заря открываетъ свои сѣрѣющія очи. Прохладная роса оживляетъ цвѣтущія сады. Жаворонокъ вьется на воздухѣ и пріятною

пѣснію своею побуждаетъ усыпленнаго любителя природы! журчащее колесо въ стремительномъ бѣгу своемъ не смѣетъ прерывать тишины дремлющія улицы. Окна скрыты. Все безмолвствуетъ. Одинъ попечительный пастухъ гонитъ стада свои на свѣжую мураву, и окликаетъ ихъ, голосомъ звонкаго рога.

Но не для меня разцвѣтаетъ пріятное утро весеннее? Не для меня румяные лучи солнца украшаютъ лазурь небесную? Все поблекло — все туманно въ глазахъ моихъ. Уныніе съ тоскою, тяжелыми вздохами грудь мою обремѣняютъ. Я горюю какъ сирота, оставшись на дождѣ въ дремучемъ

лѣсу безъ покрова, въ глубокую полночь — когда дремлющій на ложѣ своемъ не внемлетъ жалобному голосу стучащаго, у дверей его храмины.

О вы лестные надежды, будущихъ дней! — Почто столь скоро вы изчезли? — обманули бѣдное сердце — давъ почувствовать всю жестокость суровыя страсти! я потерялъ послѣднее сокровище, для сохраненія котораго жилъ на свѣтѣ. Она не моя! — Могуль снести такую мысль? — Она не можетъ меня любить! могуль я сему повѣрить? — Но отъ чего такой холодъ проникаетъ мое сердце? нѣкоторыя слова какъ громомъ поражаютъ

память мою — мечта! мечта! не уже ли законы запрещаютъ любить то, что прекрасно! не уже ли обладанiе сего прiобрѣтается цѣною одной дружбы? — Нѣтъ! Элиза не любочестива; она не можетъ сказать, что нѣтъ въ природѣ такого существа, которое бы не могло покорить сердце ея любови. Природа влiяла чувство сiе во всѣхъ людей!

Скажи мнѣ, скажи гдѣ живетъ тотъ, кто можетъ сосставить, твое блаженство, и я пойду искать его на край свѣта! я пожертвую моею любовiю, моимъ спокойствiемъ, моею жизнiю, чтобъ составить союзъ, отъ котораго зависитъ

твое щастіе, и насладившись имЪ спокойно отЪиду кЪ тѢнямЪ гроба. Но кто можетЪ ощастливить тебя кромѢ того, который ни одной минуты не проводитЪ безЪ вспоминанія о милой мечтѢ, быть нѢкогда сЪ тобою! — кто столь нѢжно, столь внимательно будетЪ пещися о тебѢ, какЪ другЪ твой, сей другЪ, который знаетЪ цѢну чувствованій твоихЪ — сей другЪ, который обожаетЪ тебя во всѢхЪ твоихЪ поступкахЪ! — Оставь на волю его нѢжности сей священный залогЪ, который само небо можетЪ быть, за невинность чувствЪ его, ему опредѢляютЪ. — Позволь, чтобЪ онЪ по всѢмЪ правамЪ нарекся другомЪ твоимЪ —

и пересталъ бы думать, что Элиза одна сотворена не вкушать пріятностей любви, межъ тѣмъ какъ всѣ щастливы подъ тѣнію миртъ ея. —

„До сихъ поръ я не сказывалъ читателю, сколь много принимала участія сестра (*Cousine.*) Элизы въ взамной связи двухъ любовниковъ. Не проходило ни одного случая, въ которомъ бы она не наговорила тысячи похвалъ, достоинствамъ Жемса (имя любовника). Она почитала его рѣдкимъ изъ молодыхъ людей — и первымъ, который былъ способенъ составить ея благополучіе. Жемсъ, часто чрезъ нее пересказывалъ, тайные чувст-

ва, которыхъ не смѣлъ онъ еще открывать своей Элизѣ. Но она рѣшилась быть неумолимою; молодой человѣкъ впалъ въ отчаянїе, которое довело его до жестокой болѣзни. Въ сей крайности сестра посѣщала немощнаго любовника — принося безпрерывные увѣщанїя, прозьбы, обѣщанїя, надежды — но какъ ни что не помогало, то Элиза рѣшилась открытся въ короткихъ словахъ: что сердце ее не можетъ отдатся закону любви — чтобъ онъ перестлалъ льститься мыслїю обладать ею - и что ежели онъ хочетъ ее видѣть то бы видѣлъ ее глазами друга. — Но мы, увидимъ какъ вѣрно, что кто могъ сдѣлаться другомъ молодой, любез-

ной женщины, тотъ не умедлить скоро быть и щастливымъ любовникомъ.,,

---

Слезы покатились ручьями изъ глазъ моихъ, и томный вздохъ перерывалъ рѣчь мою нѣсколько разъ: и такъ, Элиза, не хочетъ сжалится надъ мученiями моими! — Она спокойно смотритъ на сiи терзающiе меня чувства — и въ тотъ часъ, какъ смертный холодъ пробѣгаетъ въ жилахъ моихъ, она не хочетъ видѣть меня и сказать прости! — О небо! такую ли награду ожидалъ я моей привязанности? Такую ли заплату за дружбу, которую почиталъ я выше всего на свѣтѣ? —но какая тайна кроет-

ся въ сихъ словахъ: *сердце мое не можетъ одаться закону любви* — О злощастный Оракулъ сердцу моему! не уже ли сей будетъ послѣднїй твой приговоръ?

Я взялъ сестру ее за руку и прижимая ее къ губамъ трепещущимъ, продолжалъ: вы видите мои слезы — скажите, жестокой, что она будетъ причиною моей смерти. Потомъ приходя въ спокойное чувство: представте сй, продолжалъ, сїе изнеможенное тѣло лежащее на одрѣ смертельныя тоски, сїи потухлые томные взоры, гдѣ видна печаль угашающая послѣднїй лучь надежды, и гдѣ изчезла та прїятность съ которою они нѣкогда прелести

ея созерцали — сїе чело по крытое желтою блѣдностїю и морщинами — сїи увядшїя щоки, гдѣ не является болѣе умильность смѣха — сїи запекшїяся баровые уста, безпрестанно повторяющїя имя любезной но жестокой Элизы — сїи разслабленные члены, которые не питаютъ болѣе, оживотворявшаго ихъ чувства — сїю грудь угнѣтенную тяжелыми вздохами — и наконецъ сїе унынїе, сїю тоску, сїе отчаянїе, сїи слезы, сїю горесть, сїи стенанїя — и дайте почувствовать ей сколь безчеловѣчна жертва сїя для ея невинныхъ красотъ! Жертва не достойная толь кроткой, толь добродѣтельной души, какова ея! — гдѣ законъ друже

ства? гдѣ та склонность ея, та нелицемѣрная привязанность, которая была у меня вѣчнымъ залогомъ ея сердца? но небо отмстить ей горести, которые она мнѣ причинила! Она преобратила щастливые дни мои въ скорбь и печаль. Она помрачила лучшіе годы моея жизни — поработивъ разумъ мой, ея не склоннымъ красотамъ! — небо отмститъ ей! - - - Но кого я укоряю? — Могуль Элизу, могуль пенять за ея холодность? Могуль роптать на того, кого обожаю?

,,Не говорите, милая ничего Элизѣ о моей болѣзни — скажите что отсутствіе ея сдѣлавшись мнѣ несноснымъ — я уѣхалъ на охоту — что я

стараюсь быть великодушнымъ и — все забуду". —

Задумчивость остановила на минуту теченіе моихъ мыслей. Сердце успокоившись немного, возвратилось къ прежней нѣжности и съ дѣтскою простотою сказало: за что ты мучишъ меня Элиза? Я тебѣ ничего кромѣ добра не здѣлалъ — или ласки мои, и моя любовь тебѣ не угодны! „добрая сестра! умягчи сердце ее: — свидѣтельницею бывъ горести моей, скажи ей, какъ я страдаю! — скажи — что остріе кинжала не столь бы было жестоко сердцу моему, какъ непреклонный взоръ ее — котораго ни что на свѣтѣ не можетъ исторгнуть изъ моей памяти".

ВООБРАЖЕНІЕ.

Стонутъ бурные вѣтры, наклоняя долу высокіе дерева, скрыпящія въ корняхъ своихъ! - Возмущенная пыль, подобная густому туману застилаетъ весь горизонтъ. Черныя тучи скрываютъ свѣтъ дневный отъ очей. — Картина представляетъ бурю — столь сходственную отчаянному моему воображенію. — Трясутся огромныя зданія въ основаніяхъ своихъ — и дребезжущій хрусталь усѣиваетъ помосты, при повторяемыхъ ударахъ гонимыя вихремъ

ставни! — Взойди *воображенїе* мое вообразѣ *дѣвы* встревоженной — взойди на пригорокъ, и посмотри на сей ужасъ природы! какъ *Борей* шумитъ въ въ волосахъ твоихъ развѣвая ихъ по обнаженнымъ раменамъ! — Какъ волнуетъ онъ долгую твою одежду и хочетъ преобратишь се въ игрушку своей свирѣпости!

Рви жестокїй! рви тлѣнные сїи остатки и восхитивъ меня выше облакъ силою рукъ твоихъ, повергни на кремнистую гору, и раздроби сердце сїе терзаемое на части лютыми мученїями! земля колеблется подъ стопами моими — пропасть отверзается — страшныя чудовища мещутъ — ме

щутъ свои огненные взоры! я вижу какъ широкая трава колеблется надъ развалившимися камнями гробовъ — я слышу глухой стонъ умершихъ! — я вижу какъ блѣдные тѣни пробѣгаютъ холодное кладбище и прятаются въ темнотѣ нощной! голосъ зловѣщающія птицы прон заетъ мои уши. — Онъ призываетъ меня въ сіи пустынные мѣста искать потеряннаго покою. — Но у кого сердце обремененно несносною тоскою, и сіяніе надежды угасло, тотъ можетъ ли уже найти его въ мірѣ семъ? Змїи ползаютъ на краю хладной его могилы — и истощаютъ ядъ свой на сѣрый камень!

Выйдите *Божества волшебныя*! изъ мрака вѣчныя ночи и дайте взору смертнаго насладится вашимъ присудствїемъ! въ какихъ прїятныхъ вертепахъ — въ какихъ вѣчнозеленѣющихся рощахъ — въ какихъ уединенныхъ долинахъ обитаете вы, *Благодѣтельные духи*! гдѣ тотъ прутикъ вашъ чудотворный, которому повинуются стихїи, которому покоряется весь чинъ безпредѣльныя природы! Теперь нужна мнѣ ваша помочь — перенесите меня на крылахъ зефировъ, въ ту очаровательную и прелестную страну — гдѣ при одномъ мановении вашемъ рождаются богатые чертоги, великолѣпные сады гремящїя водопады, розано-

вые бесѣдки и дайте отдох нуть сердцу моему въ нѣдрахъ волшебнаго вашего рая. — Изторгните изъ мыслей моихъ образъ сей суровой красоты — или прострите хитрую руку въ царство прозябаемыхъ травъ, и найдите такую, которая бы могла *родить любовь* въ холодномъ ея сердцѣ. — Найдите — и Элиза вздохнетъ тяжко о другѣ своемъ. Она почувствуетъ пламя потекшее во всѣ жилки ея состава — еще воздохнетъ — и простерши ко мнѣ свои объятія наградитъ нѣжностію своею всѣ мои стенанія и муки.

ОТЧАЯНІЕ.

Helas! ſi etant deſtinés à la mort, nous ſommes encore malheureux au de là du trepas que deviendront les humains, puisque le tombeau paſſé pour l'unique aſyle des Infortunés.

Euripide —

Оставленный на жертву моея печали куда пойду несчастный? — Куда сокроюсь отъ мучительныя тоски сея, и съ

кѣмъ раздѣлю мои слезы, и мои воздыханія! Удалитесь звѣзды вечернія: вы уже не предвѣщаете мнѣ болѣе того щастливаго часа, въ который летѣлъ я въ обьятіи нѣжнаго друга! — сіяніе ваше не будетъ болѣе услаждать сердца моего, вселяя ему чувства томныя, по любезныя задумчивости. Скорбь омрачила душу мою. Свѣтъ не милъ очамъ моимъ. Одни слезы остались моею отрадою. Не уже ли праведное небо и ты не сжалишся надъ мученіями моими? — я вижу какъ свирѣпыя бури сгущая дальный эфиръ волнуютъ громовые облака и влекутъ ихъ долгими рядами по пустотѣ воздушной — теперь время удовлетворить те

ѣ моимъ отчаяннымъ желаніямъ — блесни молніею — и разрази грозный перунъ твой — пускай устрашаетъ онъ взоры смертнаго, жизнію веселящагося — онъ не поколеблетъ моего мужества — онъ встрѣтитъ грудь мою безтрепетно его ожидающую. —

Прости жестокая Элиза! ты не увидишъ болѣе *несноснаго* — ты не будешъ слышать воздыханій его — и мои слезы не будутъ болѣе умягчать суроваго твоего сердца! но ахъ! по что дала ты вкусить мнѣ сію заразу плѣнительныхъ очей твоихъ, въ которыхъ читалъ я нѣжную дружбу столь неразлучную съ любовію? — Она палитъ грудь мою — она ви

новница всѣхъ горестей моихъ. — Ты прельстила меня Элиза, отдавшись на волю роскошной нѣгѣ, въ которой часто небрежно передомною сидѣла, покоилась, играла; и очаровавъ мысли мои любовными видами — запретила, противъ воли сердца моего чувствовать къ себѣ любовь. О дружба, сколь бы сладостна ты была безъ сей любви! но сердце мое грызетъ лютая змія и не даетъ болѣе мѣста симъ священнымъ чувствамъ — сей невинной склонности къ наипрекраснѣйшей изъ женщинъ! жестокія страсти подобныя ярящимся фуріямъ раздираютъ его на части. Та вселяетъ отчаяніе — та гнѣвъ — та бѣшенство

Терзайте, немилосердые! сердце сіе — несчастную жертву пагубныхъ вашихъ внушеній! — дайте мнѣ сіе сверкающее желѣзо: оно жаждетъ крови. Дайте: и я полечу къ жестокой, принужу ее клясться неразлучною дружбою — потомъ — убью ее — себя и — не могши насладится въ мірѣ семъ желаемымъ союзомъ пойду рука съ рукою на брега мрачнаго Ахеронта, удалившись отъ сонма тѣней, повторять ей воздыханія нещастнаго любовника! — дайте, злобные фуріи! — сіе сверкающее желѣзо; — рука моя не вострепещетъ — и кровь ея — кровь моя — соединившись польется ручьями удовлетворяя праведному мщенію.

Разсужденіе.

Куда влечешъ ты меня пагубное чувство? или чаша горестей моихъ еще не полна, что тревожишъ ты духъ мой толь злодѣйскими предпріятіями? — Какъ? — я — я убійца Элизы! — убійца самаго себя! — я осмѣлюсь коснутся прелестямъ до селѣ мною обожаемымъ! — Нѣтъ: такая мысль безчестна, мерзска, беззакон

на. — Бывъ одинъ виновникомъ мукъ моихъ — почто увлекаю несчастную, съ горестями моими? — живи добродѣтельная душа, живи, какъ прежде наслаждаясь своею судьбою — и прости несчастному, который возмутилъ блаженство дней твоихъ. — Безъ меня бы ты не знала скуки въ отсудствіи — безъ меня бы ты не воздыхала тая склонность сердца твоего — Безъ меня бы ты не проливала драгоцѣнныхъ слезъ ожестокости друга твоего; — но я виновенъ предъ тобою, и накажу вину мою. — Я рѣшился и ни что не можетъ удержать намѣренія моего.

„Обожаемая Элиза! я нарушилъ клятву данную мною

хранить къ тебѣ нѣжную *друж-бу* И здѣлался ее не достойнымъ. — Я возмутилъ спокойствїе сердца твоего, не бывъ довольно щастливымъ составить его блаженство. — Ищи щастливѣйшаго меня — а я виновенъ и себя наказываю. — Прости Элиза прости на вѣки!"

НАДЕЖДА.

Надежда смертныхъ утѣшитель.

Капнистъ

Въ ту самую минуту, когда я былъ готовъ на вѣки проститься съ милымъ взоромъ несклонныя красоты, получилъ я сіи строки:

,,Можноль быть столько малодушнымъ? — Ты страждешъ, но спроси — меньшель я страдаю? Я прошу тебя для

имени дружбы утѣшится, и не предпринимашь ничего не видѣвъ *твоей Элизы* „

Чудотворная бумага! какое сильное дѣйствіе произвела ты въ унылом духѣ моемъ! я прижималъ ее къ груди какъ цѣлительной бальзамъ и чувствовалъ какъ она облегчалась Возможноль повѣрить, чтобъ сіи буквы имѣли волшебный даръ, приводить сердце въ такое радостное трепетаніе, прогонять уныніе, и раждать улыбку на печальномъ лицѣ? Съ какимъ ребяческимъ ощущеніемъ удовольствія прикладывалъ ее къ губамъ! о вы безпристрастные! вы назовѣте глупостію, сумашествіемъ, малодушіемъ сей восторгъ любовника Называйте

его какъ вы хотите: а я знаю
что кто любилъ, кто умѣлъ
чувствовашь и цѣнить рѣдкіе
ласки несклонной обожаемой,
тотъ ни когда не могъ удер-
жатся отъ сего невольнаго дви-
женія первой радости! — еще
въ первой получилъ я бумагу
на которой прекрасная рука ея
начертала нѣжные сіи строки.
Какой залогъ дружбы! какое до-
казательство довѣренности! —
всѣ слова изчезаютъ на возду-
хѣ; тронувъ сердце многіе ус-
кользаютъ изъ памяти, а то
что написано на бумагѣ рукою
милой останется на всегда въ
глазахъ, въ памяти и въ серд-
цѣ. Сколько разъ съ восхищені-
емъ пробѣгалъ я строки сіи,
въ которыхъ сіялъ мнѣ луч-

восхитительныя надежды! —— . . „*Не предпринимать ни чего не видѣвъ твоей Элизы.*“ — О свиданїе! — О взоры! когда будите вы глядѣть съ тою ангельскою кротостїю, которая разливаетъ въ душѣ моей усладительное спокойствїе?

Какъ послѣ пасмурныхъ и дождливыхъ дней, когда стада врановъ летаютъ подъ облаками — скрыпятъ уныло деревья, и вѣтры приносятъ холодъ осени — вдругъ откроется сафирной сводъ неба, проглянетъ блистательное солнце, разогнавъ тучи позлащенные его сїянїемъ, — улыбнется вся природа; заблестятъ травы росою и благоуханїе цвѣтовъ

разольется въ чистомъ воздухѣ: такъ послѣ жестокаго отчаянія, блеснувшая надежда въ чертахъ дражайшія руки, разліяло веселіе на лицѣ моемъ. Взоры мои посмотрѣли на окружающія предмѣты, и они казалось улыбались мнѣ, при первомъ пробудившемся чувствованіи пріятности бытія моего.

Тотъ не живетъ на свѣтѣ, кто живетъ безъ надежды.

ЛЕНТОЧКА.

(*) *Love is a child - who amuses himself with toys he expresses childish inclinations and through caprice prefers often a riband, a notling to a Diadim. — Anon. —*

Нѣжное сострадание написано было во всѣхъ чертахъ Элизы. Она не могла равнодушно взирать на мои томные печальные взоры напоминающія ей

(*) Богъ любви — дитя; онъ забавляется игрушками выражается ребяческими чувствованіями — и часто ленточка бываетъ его Діадима. — Неизвѣст. —

мученіе, котораго она одна виною. — Красные и опухлые рѣсницы, еще были влажны отъ моихъ слезъ — а когда мущина плачетъ, то надобно думать, что онъ чрезвычайно тронутъ. Здѣсь въ первой разъ оставила она сердце свое на волю непонятнаго до толѣ ей чувства — чувства, которое не было однако воображеніемъ. Жалостное положеніе въ которомъ она меня видѣла; чувствительно ее трогало — и притомъ увѣряло, что такая печаль притворяться не умѣетъ. Мое чистосердечіе, въ первой разъ какъ я открылся, благородныя намѣренія союза, мое постоянство, были свидѣтелями истинной любви, которая имѣетъ сред-

ство внушать огнь свой и часто въ самыя холодныя сердца; а такъ какъ судьбою ни кому не опредѣлено было до сихъ поръ питать къ ней столь нѣжную склонность, и внушить ей прiятности взаимной любви; то сердце Элизы бросилось къ сему новому чувствованiю со всею привержeнностiю тронутой нѣжности. — Можетъ быть, она думала, что любить изъ жалости — было любить изъ склонности.

N: B: Взоры ее съ любовною нѣгою, встрѣтились со взорами моими, и нѣкоторое тайное влеченiе другъ ко другу побудило ее сѣсть возлѣ меня гораздо ближе. Голова моя не чув

ствительно склонилась къ ея плечу. — Я говорилъ ей все, что томная любовь могла только сказать сильнаго, выразительнаго, нѣжнаго, въ своихъ убѣдительныхъ словахъ. Она слушала съ большимъ вниманïемъ, и сердце ее билось необыкновенно. Казалось она дѣлала усилïе надъ собою преодолѣть, что то для нее любезное, надъ которымъ старанïя мои, противъ воли, исторгали побѣду. Глаза ея потупились; румянецъ алѣлъ, губы пламенѣли — и волненïе ее духа хотѣло утишится, при выкатившейся изъ праваго глаза ее слезѣ. Я пожималъ ее руку, — которая свободно отдалась моему плѣну — цѣловалъ ее — прикла

лывалъ къ сердцу. — Сіи вольности, которыя до того времяни были всегда преграждены упорствомъ, суровымъ взглядомъ, — здѣлали меня смѣлымъ. — *Тайное влеченіе* (*) — сіе непреодолимое чувство — наклоняло меня ближе — ближе — и наконецъ пламенные губы мои тронулись розовымъ ее щекамъ! о небо! — что чувствовалъ я? — что чувствовала она? — одинъ сей поцѣлуй казалось зажегъ всю ея кровь — она затрепетала — и вырвалась изъ рукъ моихъ; между тѣмъ, какъ она наклонилась въ передъ, чтобъ подняться съ креселъ — фіолетовая ленточка показалась изъ подъ тонкаго

(*) Симпатія.

флера на ея грудяхъ, и блеснула такими золотыми краями, какъ будто отъ портрета. — При семъ видѣ я поблѣднѣлъ — упалъ спиною на прислонъ стула — и опустилъ ее руку. — Она бросила на меня досадный взоръ и побѣжала вонъ изъ горницы. —

РЕВНОСТЬ.

Il faut que l'un de nous trois perisse et je veux que ce soit moi.

Werther. —

Жестокая ревность раздирала мое сердце. Я всталъ и ходилъ по комнатѣ широкими шагами, разсуждая самъ съ собою; и такъ въ то время, когда думалъ я торжествовать — меня побѣжда-

ютЪ! — вЪ то время, когда думалЪ я все пріобрѣсть — я все теряю! — о жестокая доля! — жестокое предопредѣленіе! — сердце ее могло полюбить — и полюбить другова, вЪ то время, какЪ другЪ отчаянный касается уже одною ногою гроба мрачнаго. — Не справедливая! — Ты предпочла ребяческую привязанность, той священной любви, которую хотѣлЪ я увѣнчать предЪ олтаремЪ! — *Я все знаю — по предчувствію*, которое давно уже предубѣждало меня вЪ твоей склонности. — Знаю что сей портретЪ не твоей матери — потому, что слезы твои давно бы смыли его — при ея воспоминаніи; не твоихЪ брать-

евъ — потому, что они очень отъ тебя далеки; но это точно портретъ — и когожъ? . . моего соперника. Такъ я не хочу таить предъ тобою Элиза — надобно одному изъ троихъ погибнуть — или ему — или тебѣ — или мнѣ — да; мнѣ, мнѣ, назначена чаша сія — и я безтрепетно ее выпиваю. „Молчанïе прервало мои слова и духъ мой жестокое объяло уныніе. —

Межъ тѣмъ взошла Элиза, съ рѣшительнымъ видомъ. Ея устремленные на меня взоры, укоряя мою досаду, казалось говорили: ты видишъ, что я рѣшилась — я сожалѣю о тебѣ и люблю тебя. — Для тебя пренебрегаю сіи милые мнѣ око-

вы — которые ни когда бы не обременили моего сердца! — Вѣ самомѣ дѣлѣ, поглядѣвѣ на нее пристально — я не примѣтилѣ болѣе фіолетовой ленточки на ея шеи. — Я полетѣлѣ кѣ ногамѣ ее — обсыпалѣ ее поцѣлуями, и вѣ восторгѣ позабылѣ бы себя естьли бы присудствіе ея сестры не удерживало меня вѣ границахѣ благопристойности. —

Обращеніе ея сомною совершенно перемѣнилось. — Гдѣ дѣвались взоры несклонной? гдѣ суровость, которую побѣдить я отчаявался? Я чѣмѣ далѣе становился предпріимчивѣе. — Всегда желалѣ — всегда требовалѣ. — Элиза краснѣла —

зажимала мнѣ ротъ пальцами — бранила, шептала и — наконецъ молчала. —

„Читатель! — Я не хочу утомлять тебя долго, раска зывая минуты, которые не про ходили не бывъ достойны за-мѣчанія, или любовника, или чувствительнаго человѣка. — Скажу, что мы понимали другъ друга — любили — но дой-демъ скоряе до развязки съ фіолетовою ленточкою.

Невинность, Дружба и Любовь.

Былъ прекрасный вечеръ майскїй — и луна взошедъ въ полномъ сїянїи ея на голубое небо, мелькала сребристымъ лучемъ своимъ въ прекрасныхъ глазахъ моей Элизы, сидѣвшей задумавшись у окошка. — О природа! гдѣ прїятнѣе чувствую я красоты твои, какъ не въ прелестяхъ моей любезной!

Естьли бы оставивъ волшебныя поля, гдѣ живутъ божества, *Невинность*, *Дружба* и *Любовь* — явились они смертнымъ вообразѣ грацій соединенныхъ рука съ рукою подъ тѣнію благоуханныхъ розъ и миртъ, когда замолкнетъ журчащій ключь, и взойдетъ надъ безмолвною поверхностію воды, мѣсяцъ *ясный*; то бы они не могли принять нѣжнѣйшаго виду, трогательнѣйшаго положенія какъ то, когда мы сидѣли трое при свѣтѣ блещущія луны. —

N: B: Сестра Элизы—она — я — сидѣли на креслахъ такъ близко, что дыханія наши смѣшивались. Какъ довольны были взоры наши попеременно встрѣ-

чающїяся! — Я держалъ правую руку Элизы и ея сестры въ лѣвой ладони на моихъ колѣняхъ; межъ тѣмъ какъ правая рука моя лежала на прислонѣ креселъ, гдѣ сидѣла милая моя, и доставала пальцами ея плечо... Волосы ее лежали на моемъ рукавѣ и длиннымъ локономъ полу закрыли нѣжную ее грудь. На ручкѣ креселъ моихъ покоился лѣвый локоть, на которомъ рука ее поддерживала склоненную голову; одна повязка изъ голубагѡ флеру оттѣняла ея темнорусые волосы. — Взоры ея закрытые отъ глазъ ея сестры — и устремленные на меня съ нѣжностїю изъявляли всю томность страстной любви. — Я прижималъ щеки мои, къ ея щс-

камъ — я старался повторять ей невинные ласки нѣжнаго любовника. Какъ умильно смотрѣла на насъ сестра! — какъ наслаждалась она нашимъ блаженствомъ. Я не помню, что я шепталъ на ухо, улыбающейся Элизѣ — мы сидѣли въ такомъ безмолвіи, что чрезъ нѣсколько минутъ она заснула — и голова ее скатилась на мою грудь. — Какое милое бремя для любовника! — какая минута, для кисти чувствительнаго живописца!

Я не смѣлъ пошевелиться; не смѣлъ дышать во время ея покою; — сестра глядѣла на насъ съ такою прелестною усмѣшкою! съ такою невинностію,

что я бы не удержался поцѣловать ее, естьли бы не боялся разбудить Элизы. — Она просила карандаша — и хотѣла оставить черты (*exquise*) сего положенія — Я пожималъ ее руку. —

Спи, Ангелъ дружбы, на лонѣ внимательныя и нѣжныя любови! — коль прелестна красота твоя въ усыпленіи своемъ! — вождѣлѣнный покой твой пріятенъ моему сердцу — Да продолжится сія милая тишина чувствъ твоихъ — и благотворный сонъ закрывая прекрасный очи вливаетъ новую силу въ томные члены. — Смотри — какъ тихое сновидѣніе скользитъ по темной

лымкѣ (*) сна, мимо сомкнутыхъ глазъ ея! — съ какою легкостію вселяется оно въ нервы мозга, и пріятною мечтою волнуетъ кровь ея въ румяныхъ щекахъ! — покойся на груди моей, невинная! — вотъ первая минута, которая награждаетъ тебя за тѣ огорченія, которые можетъ быть я нанесъ тебѣ моею любовію? —

Чего не наговорилъ я Элизѣ во время сна ея. Ахъ! кто видѣлъ когда нибудь *своего спящую красавицу* — а особливо такъ близко — такъ близко отъ себя, тотъ знаетъ что я чувствовалъ — или долженъ

(*) Родъ ткани или флера.

былъ чувствовать въ столь пріятную минуту! —

Но какъ любезно пробужденіе твое! — не такъ пріятно пробуждается заря утренняя, алѣя на синемъ горизонтѣ, обѣщая хорошую погоду мореходцу стоявшему ночью на якорѣ — какъ пріятно пробудилась моя Элиза! — какое милое извиненіе! какіе взоры нѣжную томность изъявляющіе! — О Элиза, кто вложилъ въ нихъ — кто, сіи блестящія звѣздочки, которые такъ горятъ противъ сіянія луны? — Она улыбалась, какъ дитя; на которое мать пристально глядя, и влюбляясь — съ усмѣшкою выражающею всю горячность ея,

треплетъ по выпуклой и румяной щечкѣ.

Разговоръ.

Столовые часы были 11 къ полночи. Сестра Элизы перебирала листки *Пріятнаго препровожденія времяни*, и связывала тетрадки ихъ по концамъ. Я любовался ея занятіемъ, и далъ ей примѣтить сколь достойно сочиненіе сіе, вниманія общества (*public*), а болѣе такихъ прекрасныхъ — которые одушев-

ляютъ перо сочинителей въ сихъ еженедѣльныхъ бумагахъ! ,, позволь мнѣ не принять этого на свой щетъ — сказала она перерывая еще на столѣ лежащія разбросанныя письма. — ,, Вы съ лишкомъ скромны — ,, Ахъ! — сказала она оборотясь къ намъ, сестрица! — я давно искала этой ленточки фіолетовой — Я просила ее у васъ — я люблю этотъ цвѣтъ — и хочу носить ее на шеи.,, — ,, Ба! сказалъ я съ движеніемъ всматриваясь въ ленточку — да это моя — право моя — отдайте мое мнѣ. — Что это Жемсъ? сказала она, съ притворнонедовольнымъ видомъ — отдавая мнѣ ленточку — между тѣмъ какъ глаза ее переходили отъ

меня къ Элизѣ и хитрая усмѣшка раздѣлила ее губы. — О сей взоръ я очень — очень замѣтилъ. ,,Да на что вамъ эта ленточка, — спросила Элиза? — Какъ на что! она мнѣ дорога,, — ,,Право она не такъ важна,, — ,,Нѣтъ она такъ для меня важна, что я буду носить ее тутъ — тутъ около моего сердца.,, —,,Ахъ! — посмотрѣвъ на обѣихъ насъ молвила Элиза съ удивленiемъ — и сей ,,ахъ" значилъ, что она догадалась. ,,Отдайте ее сестрицѣ — я васъ прошу.,, —, за чемъ же отнимать у него то, что ему нравится?,, — ,,Да онъ ошибается душенька — эта ленточка моей горнишной,, —,,Не правда; я ее видѣлъ — видѣлъ тамъ

гдѣ — о это не мечта! глаза мои не обманулись..,—„По чести, это не та — отдайте ее, я васъ прошу.,,—„Да что вамъ нужды отнимать у меня бездѣлицу!,, —„то — чтобъ вы имѣли лучшую — сказала она съ живостію.,,—„Цена вѣщи не умножаетъ ея достоинства — она любезна по особѣ у которой была въ рукахъ — она прекрасна! — я не оставлю ни одной складочки — ни одной нитки, чтобъ ихъ не разцѣловать — и можетъ быть сыщу то мѣсто. . . „О какъ вы скучны, прервала рѣчь мою Элиза, съ неспокойнымъ видомъ. Это не та, не та, говорятъ отдайте ее: послушайте меня. — „Да я хочу ее имѣть

милая, сказалъ я огорчительнымъ голосомъ. . . Не уже ли эту непремѣнно — продолжала она скромно. — Да; непремѣнно фіолетовую ленточку, которую я видѣлъ тамъ на груди — постой! не угомонной человѣкъ, сказала она положивъ палецъ на мои губы — и кинувъ запрещающій взглядъ — я тебѣ дамъ фіолетовую ленточку. — Какая досада! я не хочу имѣть новой ленточки, жизнь моя! сказалъ я нерадиво. Но по крайней мѣрѣ хочешъ ли ты имѣть ту самую, (которая любила друтова догадываться должно), хочу, потому что она мнѣ понравилась Но можноль пожертвовать. . . продолжалъ я цѣлуя ее руку, когда она вставала съ креселъ.

— Вы сомнѣваешесь? — спросила она нахмуривъ брови — и смотря пристально. Да. — О, такъ я васъ хочу увѣрить, что съ самаго того дня, какъ я васъ знаю — фіолетовая ленточка начала блекнуть и на конецъ она не стоитъ ни вашего, ни моего вниманія. —,,

При сихъ словахъ дверь скрыла ее отъ очей моихъ. Я слышалъ какъ она бѣжала по паркету въ спальню, выдвинула ящикъ у комода — брязнула кольцами — и явилась въ ту минуту держа фіолетовую ленточку въ рукахъ. ,,Та ли? — Сказала она съ убѣдительнымъ видомъ. — Я не довѣрялъ глазамъ моимъ видѣлъ складочки,

гдѣ лежало кольцо отъ портрета — и молча удивлялся великодушїю Элизы. — Я бросился было ее благодарить; но она видя глубокую полночь кричала: „завтре! завтре! и мы простились. —„

Великодушіе.

Какъ бы то ни было — а это жертва! — думалъ я самъ въ себѣ; и хотя съ нѣкоторой стороны такая побѣда меня ласкала, съ другой стороны сердца повѣвалъ какой-то холодъ, который до половины выгонялъ *образъ красоты, побѣжденной другою стрѣлою купидона* какъ будто давая знать, что такое обладаніе ею было непостоянно — дѣло своенравія, а не природной

склонности. Мнѣ досадно было для чего не я —— не я первый былъ предмѣтомъ ея любви — или лучше любочестіе говорило, для чего она не могла такъ мною плѣнится, какъ другимъ.. а участь сего нещастнаго — раждала во мнѣ столь непріязненную мысль, что я боялся быть нѣкогда такъ же перемѣненъ, какимъ нибудь совмѣстникомъ. — По чему можно знать? — сердце женщинъ не понятно; можетъ быть она полюбила меня изъ жалости, видя такую дружбу, такое постоянство, и такое отчаяніе. — Ослѣпленіе пройдетъ — она станетъ смотрѣть больше равнодушными глазами — и возвратится къ первой склонности

О, сія первая склонность! — она подобна кроющейся подъ пепломъ искрѣ, которая при усиліи способнаго ей вѣтра мгновенно раждаетъ пожаръ. — Сверхъ того, она въ него влюбилась; а здѣсь, я въ нее влюбился — она объ немъ воздыхала — а здѣсь я по ней воздыхалъ — это превеликая разница. — Тотъ, кто первый почувствовалъ любовь къ кому, тотъ и сохранитъ сію привязанность постоянно; такая любовь самою природою внушенна ему; а тотъ кому внушенна любовь, или тотъ, кто понравился уже по объявленіи чувствъ своихъ, не возбудивъ прежде никакой склонности — долженъ быть увѣренъ, что

онъ любимъ, или изъ жалости или изъ благодарности — или — я не знаю какъ — только не по любви. — Прямое чувство любви рождается въ одну минуту при первой встрѣчи взглядовъ, тѣхъ существъ, которые издавна предопредѣленны одинъ другому. — Но прежде Элиза можетъ быть во мнѣ сомнѣвалась — почитала притворствомъ. . . О вѣкъ развращенный! — Ни въ чемъ не можно увѣрить женщину — даже самому добродѣтельному человѣку — даже въ тѣхъ чувствованiяхъ, которые цѣлымъ свѣтомъ уважаемы. — Она все боится — и думаетъ видѣть въ мущинѣ или болтуна, или обманщика, или прельстителя.

(*seducteur*) Мужчина теряетъ терпѣнїе — дѣлается наглымъ — получаетъ холодности — презрѣнїе. Приходитъ въ отчаянїе — и тогда показавъ свои слабости даетъ полную волю гордымъ прелестямъ, которые какъ будто сжалившись надъ страждущимъ человѣкомъ снисходятъ на любовь. — Нѣтъ; это не сходно съ моимъ любочестїемъ быть любиму изъ снисхожденїя, изъ жалости или понуждѣ — Я хочу Элиза, чтобъ ты меня любила такъ какъ я. — Но нѣтъ; судьба не предопредѣлила тебя къ сему пламенному чувствованїю. Оно заключило сей огнь пожирающїй въ душѣ моей. —

Будь же счастлива Элиза — тѣмъ предмѣтомъ, котораго давно ты избрала къ обожанїю своему и ищи сердца, которое бы умѣло, лучше нравиться — меньше чувствовать и слезы лить; но — болѣе питаться твоими вздохами, — а я оставляю мою побѣду надъ сердцемъ твоимъ иному — удалюсь великодушно, отъ сихъ прельстительныхъ взоровъ — и пойду искать потеряннаго покоя въ объятїяхъ безмолвной призывающей меня природы. — Тамъ въ пустынномъ вѣянїи зефира буду внимать голосъ твой — тамъ горюя буду слезы лить и повторять имя Элизы — которая никогда не возвратиться упасть въ объятїя

нѣжнаго Жемса — и воскресить поцалуемъ трепещущій духъ на устахъ его, издыхающихъ на краю мрачныя могилы.

Но увы! — надобно было одинъ разъ въ жизни приступить къ сему олтарю любови — принесть въ жертву сердце чистое — и послѣ — оплакивать потерянную свободу. —

Заключенiе.

Элиза разливала чай, при завтракѣ. Нѣсколько дѣвочекъ стояло около круглаго столика и дожидали каждая съ невиннымъ взглядомъ на нее, своея чашки. — Собачка Аглинская ласкалась и выманивала изъ рукъ ихъ сухари. Межъ тѣмъ учитель настроивалъ фортепiано перебиралъ ноты и ворчалъ что то про себя. —

КакЪ скоро я вошелЪ — то Элиза поздравивЪ меня съ добрымЪ утромЪ отдала учителю билетЪ, сказавши, что на сей разЪ она не можетЪ брать урока. — ОнЪ бросивЪ на меня примѣчательный взглядЪ косый, и вышелЪ вонЪ. —

Мы завтрикали романически. — Два любовника — окруженные Грацїями во образѣ прекрасныхЪ дѣвочекЪ. — Я наговорилЪ имЪ множество ласкательствЪ, бралЪ ихЪ на колѣни — цѣловалЪ — и старал ся сколько можно скрыть смущенїе моего сердца; всякая мысль тревожитЪ духЪ любовника. — Но какЪ я казался равнодушнымЪ — то Элиза

почла сїе холодностїю или презрѣнїемъ — и думала, что я имѣлъ худое мнѣнїе о дѣвушкѣ, которая могла признаться въ своей слабости. — Взоры ее потемнѣли — она задумалась. Между тѣмъ сняли завтракъ — и мы остались одни. —

,,Напрасно ты тревожишся, милая Элиза, и даешъ читать мнѣ въ взорахъ твоихъ упреки, которые душевно ты себѣ дѣлаешъ — открывъ тайну твоему другу. — Не думай чтобъ я сталъ укорять тебя слабостїю — и требовать жертвы, которой я можетъ быть не достоинъ. — Вмѣсто того, чтобъ порочить твою склонность — я ее извиняю и скажу, что на

ружность одна могла зделать тебя виновною — ибо сердце твое неподвластно пороку Долгъ истинныя дружбы, которую я къ тебѣ чувствую, заставлялъ меня сожалѣть о нѣжномъ сердцѣ твоемъ, которое воздыхало безполезно — давъ волю неосновательной привязанности. — Онъ-то заставлялъ меня искать возможныхъ средствъ вылѣчить тебя изъ сей страсти — онъ-то принуждалъ внушать тебѣ прiятности нѣжной дружбы, и прямой любви — онъ-то повелѣлъ составитъ твое благополучiе и мой покой! но увы! когда небо не назначило меня къ совершенiю толь важнаго намѣренiя, когда ревность моя

и усердїе далеко увлекли меня когда наконецЪ одно отчаяиїе нещастнаго могло тронуть Элизу, а не его достоинства, не его сердце — то на что, — на что утѣшать меня побѣдою которая орошенна твоими слезами! —,,

,,Неблагодарный человѣкЪ! — сказала Элиза, утирая слезы ее платкомЪ — ты коварнымЪ краснорѣчїемЪ умѣлЪ поймать бѣдное сердце — узнать его тайны — и старался побѣдить его для одного тщеславїя чтобЪ отказатся отЪ него сЪ такимЪ хладнокровїемЪ — знай жестокїй! — что сїя маска — и вЪ самое то время бросила она портретЪ на полЪ, сЪ великою

досадою — ни когда не раждала въ сердцѣ моемъ другаго чувства кромѣ любопытства видѣть пригожее и умное личико. Симъ однимъ способомъ хотѣла я наложить оковы на ту непреодолимую склонность, которая бы потерялась въ упрежденiяхъ (*avances*) какiе всегда могли исторгнуть у меня твои коварные глаза. — О Жемсъ! — продолжала она умягчивъ взоры и голосъ, которой ни когда не умѣлъ не плѣнять моего сердца. — Чего не здѣлала я для твоего спокойствiя? — Вотъ послѣдняя жертва — указывая на портретъ, какогожъ еще доказательства несчастной склонности, которую толь долго таить я умѣла? —

Великодушїе мое раз стаяло при сихъ словахъ — мрачные мысли стрѣлять въ портретъ изъ пистолета къ неистовой забавѣ мщенїя моего — сжечь его въ каминѣ и пр... ни мало не тронули сердца Элизы — она была кротка, какъ агнецъ, — который ласкается около пастуха — и сїе равнодушїе такъ обезпечило мою любовь, что я пересталъ болѣ сомнѣватся въ искренности ея признанїя.

Рука ее наклонилась небрежно на мое плечо. Заплаканные ее глаза вливали въ душу мою умильность отмщенныя любви — и чувство нѣжности пробуждаясь безпрестанно твер-

дило мнѣ: она твоя — твоя на вѣки!

Пустынные Нимфы задум чивость, уединенїе и пр... — божества милые сердцу моему! здѣсь легкою рукою накинемъ завѣсу надъ двумя щастливыми любовниками; — и положимъ перо мое на изсохшихъ листочкахъ миртовъ, которыми увѣнчали вы задумчивое чело мое — доколѣ улыбающаяся любовь, еще возвратитъ мнѣ его, преисполненное нѣжности и сладкословїя. —

А вы чувствительные сердца, для которыхъ поспѣшно текли строки сїи! не вопрошайте меня о послѣдующемъ. Оно мрачно, уныло, слезно. — Знайте, что всѣ блаженства

міра сего кратковремянны, не постоянны. — Удовольствія ваши мечта; — забавы ваши суетность; — щастіе ваше — обманъ; жизнь ваша сновидѣ ніе. — Не говорите мнѣ ни когда о любви — о дружбѣ — тѣни за которыми гоняется во ображеніе людей; — не говорите мнѣ о женщинахъ; — о самой Элизѣ; — ихъ нѣтъ въ мірѣ для меня! — вѣроломство охладило мои чувства — я брожу въ уединеніи безмолвной природы — гляжу на голубое небо и со вздохомъ повторяю: *Helas! j'ètois heureux dans mes chimeres — mon bonheur fuit avec elles.* —

Rousseau.

то есть.

Увы! я щастливъ былъ мечтаньями моими
Но щастїе мое, изчезло вмѣстѣ съ ними.

Конецъ второй и послѣдней части.

